

Православная церковь и истоки ирредентизма в Восточной и Юго-Восточной Европе

**Максим Палеолог
Владимир Штоль**

Ирредентизм – это политика государства, партии или политического движения, направленная на объединение в рамках одного государства отдельного народа, нации, этноса. В политическом плане ирредентизм есть реваншистское и эгоистическое явление, которое сегодня ведет к росту конфронтации в мире.

В настоящее время славянский мир разобщен, и практически каждое национальное государство формирует собственные ирредентистские максимы. Сегодня в славянском мире много говорят о Великой Болгарии, о Великой Сербии, о Великой Румынии, о Великой Албании, даже о греческой Великой идее.

Однако это ирредентизм политический.

В историческом и культурном плане не существует универсальная форма ирредентизма, сформулированная еще во времена Византийс-

кой империи. По сути, выражением цивилизационного ирредентизма в византийские времена была идея *Pax Christiana*.

ПАЛЕОЛОГ Максим Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Московского государственного открытого университета им. В.С.Черномырдина. *E-mail*: mpaleolog@mail.ru

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-конфессиональных отношений МИГСУ РАНХиГС при Президенте России, профессор Центрально-Европейского университета в Скалице (Словакия). *E-mail*: observer@ru.ru

Ключевые слова: ирредентизм, *Pax Christiana*, *Pax Rossica*, Вселенская христианская держава, симфония властей, Москва – Третий Рим.

Pax Christiana – это особая модель общества и государства, созданная в Византии. Ее политическим воплощением было Византийское содружество наций, о котором писал князь Дмитрий Оболенский. Именно в рамках этого содружества была сформулирована универсальная ирредентистская максима, повлиявшая на формирование всего православного славянского мира. В отличие от современного ирредентизма ирредентизм византийский, будучи универсальным по своему духу, формировал в Восточной и Юго-Восточной Европе дух единства не национального, а религиозно-культурного, связавшего воедино весь славянский мир от Балкан до России.

Князь Д. Оболенский в своей книге «Византийское содружество наций» показывает политическое воплощение идеи «единой священной мировой державы» в системе византийского содружества наций. Византийские политики сформулировали идею панвизантизма, которая в политическом плане впервые объединила народы Юго-Восточной Европы в единое целое. При этом в рамках вселенской христианской державы объединялись не только народы, признававшие над собой власть византийского василевса, но и те народы, которые, будучи независимыми, но исповедуя православное христианство, считали себя частью византийской вселенской Ойкумены.

В этом религиозно-культурном единстве ключевую роль играла православная церковь. Причем будучи самостоятельным игроком на политической арене Средневековья, православная церковь выстраивала особые отношения с властью империи.

Симфония властей, сформулированная в Византии, стала универсальной максимой для дальнейшего развития византийского ирредентизма. Византийский император, являясь *Vicarius Christi*, т.е. наместником Иисуса Христа на земле, был василевсом и автократом (царем и самодержцем) Вселенской христианской державы.

«Модель миропорядка в Византии мыслилась следующей: один Бог – один василевс – единая Вселенская Римская империя. Византийский император мыслился только как Вселенский, как глава Ойкумены, отец “семьи государей и народов”»¹.

Только через него осуществлялась божественная власть над миром. Только император в силу своего особого статуса повелевал и империей, и священством. По мнению С. Рансимена император [Юстиниан] разделял понятия *Imperium* и *sacerdotium*. Однако это не мешало Юстиниану считать свою власть единственным источником закона. «Из-под его пера в избытке исходили фразы вроде “По воле Божьей мы правим империей, которая предана нам Его Божественной Властью” или “Один Бог и Император, слушающийся воли Божьей, могут справедливо править миром. Император должен милосердием подражать Богу, Богу, по милости которого единственно действует Его образ”, чья власть, в свою очередь, простирается и на священство»².

Г реки не только сохранили воспоминания о *Pax Romana*, но, опираясь на авторитет Библии и отцов церкви, создали идею новой универсальной вселенской империи, где

основным признаком становится симфония властей. Идея симфонии властей была сформулирована в VI новелле Кодекса Юстиниана. Отношения церкви и государства мыслились не в паритетно-правовом, а гармоническом развитии.

Особенно ярко идею симфонии властей выразил Л.А.Тихомиров: «По Юстинианову законодательству (527–565 гг.), ... в государстве признавалось существование двух равноправных властей. В предисловии к VI новелле законодатель говорит: “Всевышняя благодать сообщила человечеству два величайших дара: священство и царство (императорская власть). Первое заботится об угождении Богу, второе о прочих предметах человеческих. Оба же происходят от одного и того же источника, составляют украшение человеческой жизни”»³.

Симфония властей – это гармоничное сосуществование духовной и светской власти в рамках одного мирового государства. Василевс обязан заботиться и охранять церковь, а священство обязано молитвой и духовным авторитетом церкви поддерживать власть василевса, т.е. обе силы не могли в идеале существовать друг без друга. При этом «...византийский самодержец (автократор) выступил властью верховной в отношении подданных, но не безусловной, не абсолютной, ибо имеет определенное, обуславливающее эту власть содержание, а именно: волю и закон Бога, Которому он служит. Около этой Верховной власти стояла постоянная живая Церковь, носительница Божественной нравственной воли, и сам самодержец был лишь членом, но не господином Церкви»³.

В связи с этим фактор православной церкви приобретал особое значение для развития *византийского ирредентизма*. Народы Восточной и Юго-Восточной Европы, принимая православие от Константинопольской церкви, становились частью византийского *Pax Christiana*. Единая вера, а еще, более того, единая культура делали православные народы частью единого Вселенского христианского царства. Эта идея становится в Средние века неоспоримой максимой политического мышления православной Европы.

Д аже после падения Византийской империи присущий ей универсальный ирредентизм, воплощенный в ромейском *Pax Christiana*, продолжал свое существование. Эта максима получает в своем развитии два направления:

– *во-первых*, византийский ирредентизм продолжает свое развитие в деятельности Вселенской православной церкви во владениях Османов;

– *во-вторых*, византийский ирредентизм находит благодатную почву для дальнейшего развития на периферии православной Ойкумены – России.

Именно на этом этапе особо обостряется роль православной церкви в его дальнейшем развитии. Для православных народов Балкан и греков, оказавшихся после 1453 г. под властью османских султанов, церковь стала единственным фактором для своей самоидентификации. Более того, султаны фактически передают Вселенской патриархии функции, ранее присущие только византийским василевсам. Константинопольский патриарх, получив функ-

ции этнарха, возглавлял православную райю Османской империи.

Таким образом, для Юго-Восточной Европы православная церковь превратилась во времена турецкого владычества не только в фактор политический, но и в фактор культурно-национальный. Только осозная себя православными, народы Балкан имели возможность сохранения своей культурной и национальной самоидентификации. Именно в недрах Вселенской православной иерархии к XIX в. выкристаллизовываются иерархии национальные, которые, продолжая традиции Вселенской церкви, фактически возглавили в XIX в. процесс духовного возрождения балканских народов и их борьбу с турецким игом.

Так, в Болгарии представители православного духовенства начали процесс возрождения национально-самосознания и просвещения своего народа. Одним из первых на этой ниве был Паисий Хилендарский (1722–1798 гг.).

Будучи юношей, Паисий отправляется на Афон, где, работая в монастырских библиотеках, собирает материалы по древнейшей истории болгарского народа.

В 1762 г. Паисий написал «Историю славяно-болгарскую о народах, и о царях, и о святых болгарских».

Позднее ученик Паисия Хилендарского, врачанский епископ Софроний (1739–1813 гг.), издает «Собрание поучений, переведенных со старославянского и греческого языка».

Деятельность просветителей, таких как Паисий Хилендарский или епископ Софроний Врачанский, позволили создать на Балканах церковные школы и училища, в которых воспитывались новые национальные элиты, способствовавшие возрожде-

нию национального самосознания православных народов Юго-Восточной Европы⁴.

Необходимо отметить, что православная церковь не только способствовала духовному возрождению православных народов Юго-Восточной Европы, но и стала авангардом борьбы за национальную независимость. Начиная с 1516 г. духовными и политическими лидерами черногорцев были местные митрополиты.

Деятельность митрополитов Петра I и Петра II стала примером беззаветного служения своему народу.

Именно духовенство возглавило духовное и политическое самоопределение Черногории в период османского владычества. В XIX в. многие священники участвовали в борьбе черногорцев против османов.

Так, практически каждому черногорцу было известно имя протоиерея Стево Капицина, который во время войны с турками в первых рядах единоверцев с кинжалом в одной руке и знаменем в другой шел на врагов⁵.

В Греции знамя борьбы против Османской империи за политическую независимость своей Родины поднял митрополит Патрасский Герман (даже знаменем греческого восстания 1821 г. стала одна из церковных хоругвей). Митрополит Герман не только благословил греков на борьбу, но и сформулировал политические задачи восстания в своем воззвании: «Героические сыны геройских отцов! Пусть препоясется каждый мечом своим, потому что лучше пасть с мечом в руках, нежели видеть бедствия отечества и оскверненные святыни! Ну же! Разорвите оковы, сокрушите иго, которое возложили на вас, потому что мы — наследники Божии и сонаследники Христовы! Дело, которое вы призываетесь защитить, есть дело Самого Бога»⁶.

И вплоть до сего дня народы Юго-Восточной Европы воспринимают православную церковь как важней-

ший фактор развития национально-го ирредентизма.

Дальнейшее развитие универсальной ирредентической максимы происходит на периферии византийской православной Ойкумены в России.

Здесь также особую роль играла православная церковь, при помощи которой Киевская Русь становится частью византийского *Pax Christiana*.

С XIII в. Русская православная церковь превращается в институт, отстаивающий как духовное, так и политическое единство русского народа. Именно русская православная агиография внедряет в сознание народа идеи единства, объясняя причины страданий русского народа после монголо-татарского нашествия, в частности в «Сказании о гибели Русской земли», именно церковь формирует образ национального героя, в том числе в «Повести о Евпатии Коловрате» и «Повести о Меркурии Смоленском».

В формировании российского ирредентизма Русская церковь играла особую роль.

Во-первых, сам процесс объединения русских земель был инспирирован церковью, поскольку именно она в период феодальной раздробленности провозглашает идею русских земель. После нашествия Батыя, получив от Золотой Орды особый статус, именно Русская православная церковь превращается в центр притяжения русских земель. Даже становление Москвы в объединяющий центр Северо-Восточной Руси стало возможно только после того, как митрополит Петр перенес в Москву митрополию кафедру.

Во-вторых, процесс духовного окормления, интеллектуальное развитие нации, формирование ее исторического сознания тесно связаны с деятельностью православной церкви. Монастырские школы были центрами образования на Руси. При этом особенно необходимо отметить роль церкви в формировании русской национальной идеи. Именно монастырские летописцы сохраняли сведения по русской истории, а также формировали ее единую историографическую концепцию развития.

Несмотря на то что Российское государство было периферией православного мира, но при этом, ощущая себя и частью *Pax Christiana* и частью византийского содружества наций, Москва унаследовала от Византии как идею мировых держав, сменяющих друг друга, так и универсальную идею вселенской православной державы. Развитие универсальной византийской максимы в России приводит к замене *Pax Christiana* на *Pax Rossica*.

Pax Rossica в Средние века превращается в новый центр притяжения православного мира.

Народом, созидующим *Pax Rossica*, был русский народ, причем до 1917 г. под термином «русские» подразумевалось единство трех восточнославянских народов: великороссов, малороссов и белоруссов.

Ирредентическая максима *Pax Rossica*, по сути, бесконечна, поскольку любой народ, присоединившийся к «Русскому миру», становится его неотъемлемой частью. Все эти народы объединяются единым универсальным понятием «россиянин» и единым универсальным языком общения. Поэтому для русского ирре-

дентизма стала традиционной не только идея объединения в рамках *Rex Rossica* всех русских, но и других народов.

Таким образом, национальный ирредентизм воспринимался русскими как некая сакральная миссия. Вальтер Шубарт отмечал: «Русский и в этом отличается от европейцев. Его национальной идеей является спасение человечества русскими»⁷.

Эта миссия по спасению всего человечества вполне естественна для русской политической мысли, которая не представляет себя без связи с судьбами всего мира.

Идеологическим выражением русского ирредентизма стала доктрина Москвы – Третьего Рима. Как указывает П.Н.Милюков, Иоанн III сразу же воспринял **идею панрусизма**, подсказанную великому князю императорским послом Поппелем⁹.

Именно из идеи панрусизма вытекают претензии великого князя Московского, сформулированные в говорящем титуле «государь всея Руси». С этого момента великий князь Московский превращается в фигуру сакральную, осуществляющую судьбоносную миссию объединения под своей властью всех русских земель. Недаром короли Польские и великие князья Литовские отказывались признать этот титул Иоанна III. Именно благодаря этому Москва превращается в центр единения, а главное – защиты русских вне зависимости от того, являются ли они подданными московского князя или нет.

Попытки протеста отменялись с присущим московским дипломатам уверенностью и апломбом: «Государь наш ничего высокого не писал и ни-

какой новости не вставил. Он от начала – правый *уроженец* – *государь* всея Руси, чем его Бог подаровал от дедов и прадедов... Все, отнятое у Литвы, – “наша вотчина”. Да и не то одно – “наша вотчина”, что ныне за нами: вся Русская земля, Божией волей, из старины от наших прародителей – наша вотчина»⁸.

Именно идея панрусизма заложила основы имперской политики Российского государства, просуществовавшей не только до 1917 г., но во многом повлиявших и на политическую традицию, и на социально-историческое развитие Советского Союза.

Со временем, благодаря ставшей общепризнанной идее Москва – Третий Рим, начинает формироваться весь комплекс политических традиций русского государства. Объединив под своей властью русские земли, Москва определяет для себя новые цели. Теперь Московское царство не просто одно из православных государств, теперь Москва претендует на положение единого мирового православного царства.

Однако имперская идея не была чем-то оригинальным, созданным на русской почве. Социально-историческое развитие Руси в эпоху Иоанна III просто заимствует кальки, созданные южными славянами.

Как считает П.Н.Милюков, именно они являлись самыми естественными воспитателями русского национального чувства. Южные славяне давно мечтали создать либо болгаро-греческую, либо сербско-греческую империю. Свой собственный славянский император и свой славянский патриарх – таковы были вековые

идеалы южных славян. И болгарский царь Александр, и сербский Душан пытались примерить на себя порфиру византийских василевсов. Именно эти южнославянские правители первыми используют в своей титулатуре титулы царя и самодержца.

П.Н.Милюков, цитируя одну болгарскую рукопись XIV в., писанную по приказу «царя и самодержца» Иоанна Александра, указывает на хорошо знакомые нам по московской национальной идее параллели: «Всё это приключилось со старым Римом; наш же новый Царьград стоит и растёт, крепится и омолаживается. Пусть он и до конца растёт, – о Царь, всеми царствующий, – принявши (в себя) такого светлого и светоносного царя, великого владыку и изрядного Победоносца, происходящего из корени Асеня, преизящного царя болгар, – я разумею Александра прекроткого и милостивого и мнихолубивого, нищих кормильца, великого царя болгар, чью державу да исчислят неисчислимыя солнца»⁸.

После того как турки-османы покорили и «старый» Царьград, и «новый» Царьград – Тырново, южнославянские патриоты начинают искать новый источник своих политико-эсхатологических надежд. Таким источником становится дальняя таинственная Москва. Впервые эти идеи приносит на Русь митрополит Киприан, болгарин по национальности.

При сыне Ивана III, Василии III, представление о Москве как единственной хранительнице православных традиций становится общепризнанным. И вполне закономерным является то, что именно при Василии III формулируется идея Москвы – Третьего Рима.

А при внуке Ивана III, Иване IV, предпринимаются попытки воплотить в жизнь представления об универсальной мировой державе. В византийской традиции священная

мировая империя должна была иметь своего царя и независимую церковь во главе с патриархом.

Первым шагом на пути создания мировой православной империи становится принятие Иваном IV царского титула (1547 г.). Однако даже сам новый царь понимал незаконность присвоения себе этого титула. Только покорив Казань и Астрахань, Иван Грозный относительно законно начинает титуловать себя царем Казанским и Астраханским. Законное подтверждение титула царя происходит на Соборе (1561 г.), который провозглашает Иоанна Грозного «царем и государем православных христиан во всей вселенной». Великий князь Московский получает законное право титуловаться царем и владыкой всех православных христиан, а также считать себя наместником Бога на земле.

В том же году (1561 г.) патриарх Константинопольский вместе с другими вселенскими патриархами признал царский титул Ивана Грозного, а его самого как единственного защитника мирового православия. Именно с этого момента Россия уже не могла равнодушно смотреть на мусульманское владычество над христианскими землями Востока и Балканского полуострова, что и было одной из причин постоянных русско-турецких войн начиная с конца XVII до конца XIX в.

Другим важным элементом симфонии властей являлась автокефальная, или самостоятельная, церковь. Формально с 1441 г. Русская православная церковь считалась самостоятельной. Но юридически она подчинялась патриарху Константинополь-

скому*. При царе Федоре Иоанновиче московская митрополия получает полную автокефалию. В 1589 г. Вселенский патриарх Иеремия Константинопольский и другие вселенские патриархи рукоположили митрополита Московского Иова в сан патриарха, т. е. Русская православная церковь получила автокефалию. По договоренности Москвы с вселенскими патриархами за патриархом Московским и всея Руси признано пятое место в иерархии православных патриархов. Таким образом, Русская церковь возглавляет список поместных церквей.

С 1589 г. Российское государство стало полностью соответствовать понятию вселенской православной империи. Москва имела своего царя и своего патриарха. Идея симфонии властей четко соблюдалась в Москве до времен Петра I.

Для обоснования своих претензий на вселенское господство московские великие князья используют не только идею византийского наследства, но и созданную специально генеалогическую легенду. Складывается круг сказаний, подтверждающих правопреемство русским государством вселенских инсигний Византии. Право наследования вселенской власти императора подтверждалось генеалогическим «Сказанием о князьях Владимирских». В этом тексте прослеживалось родство Рюрика с неким Прусом – братом римского императора Октавиана Августа.

Таким образом, московские государи, будучи «сродниками Римских

кесарей» законно претендуют на особую сакральную роль в мировой истории. Иван Грозный в своих посланиях неоднократно указывает на свое превосходство благодаря «римскому родству».

В письме к шведскому королю Юхану III царь указывал, что ему, отпрыску «мужичьего рода» (ведь его отец Густав Ваза не рожденный государь, а избранный король), «нельзя равняться с великими государями». Иван Грозный, препираясь в письме с Юханом III, использует элементарную ругань: «А с тобою перелаиваться, и ты себе найди такова ж страдника, каков еси сам страдник, да с ним перелаивайся». В том же письме Грозный пишет: «Мы от Августа кесаря родством введемся, а ты усужаешь нам противно Богу?».

Со временем легендарная родословная стала восприниматься как вполне традиционная, а многими православными народами как фактор, указывающий на вселенскую и сакральную роль не только русского самодержца, но и всего русского государства. Идея «византийского наследства» также наложила особый отпечаток на социально-историческое развитие русского государства.

Священный авторитет церкви также требовал некоторого обоснования.

Постепенно формируется комплекс сказаний, обосновывающих особую роль Русской церкви в истории вселенского православия. Так, после Ферраро-Флорентийской унии Московская митрополия фактически самовольно, нарушая все канонические правила, прекратила общение с патриархом Константинопольским, став *де-факто* самостоятельной. В

---

* Московская митрополия являлась епархией Вселенского патриархата, так как митрополит Московский являлся наследником духовной власти Киевских митрополитов.

связи с этим появляются сказания, которые обосновывают церковные претензии Москвы на автокефальность. К ним относятся «Сказание о проповеди святого апостола Андрея Первозванного» и «Сказание о белом клубуке».

«Сказание о проповеди святого апостола Андрея Первозванного» приводится в «Повести временных лет». Это сказание становится особо актуальным во времена царя Фёдора Иоанновича, когда Русская православная церковь получает автокефальность. При этом Борис Годунов стремился добиться третьего места для Московской патриархии в перечне поместных православных церквей. Московское правительство, ссылаясь на «Повесть временных лет», пыталось доказать равенство вновь образованного патриархата с древними вселенскими кафедрами. Данная затея провалилась, но новозаветное происхождение русского православия от апостола Андрея Первозванного стало активно использоваться русским правительством в своей политической доктрине.

Чтобы подтвердить традицию преемственности Московского царства как вселенской державы от Византии, в русской идеологической традиции в XVI–XVII вв. распространяется «Сказание о белом клубуке». Данное сказание классифицируется

как послание Дмитрия Герасимова (Дмитрия Толмача) к новгородскому архиепископу Геннадию. Согласно этому сказанию, белый клубук – символ священства, был получен папой римским Сильвестром от императора Константина Великого, а после отпадения ветхого Рима от православия белый клубук переносится в Византию и затем на Русь – в Великий Новгород.

Появление в Новгороде белого клубука связывается с именем архиепископа Василия Калики (1330–1352 гг.). При новгородском архиепископе, позднее при митрополите Макарии, идея белого клубука переносится в Москву, где органично вписывается в доктрину Москва – Третий Рим: «Ветхий бо Рим отпаде славы и от веры Христовы гордостью и своею волею; в новеем же Риме, еже есть в Константинеграде, насиением агарянским тако же христианская вера погибнет; на третьем же Риме, еже есть на русской земли, благодать Святого Духа возсия. И да веси... яко вся христианьская придут в конец и снидутся во едино царство русское православия ради. В древняя бо лета, изволением земного царя Константина, от царствующего сего града царскую венец дан бысть рускому царю; белый же сей клубук изволением небесного царя Христа ныне дан будет архиепископу Новаграда...»¹⁰.

Таким образом, к началу XVII в. завершается процесс формирования ирредентистской максимы в России. Определяются и оттачиваются элементы, составляющие российскую максиму. Вплоть до сего дня ирредентистская идея способствовала идеологическому развитию политической системы Российского государства и осознанию российского народа своего места в историческом процессе.

Примечания

¹ Андреева Л.А. «Местник Божий» на царском троне. М., 2002. С. 113.

- ² Рансимен С. Византийская теократия. М., 1998. С. 165.
- ³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 152, 144.
- ⁴ Скурат К.Е. История Поместных Православных церквей. М., 1994. Т. 1. С. 254–255.
- ⁵ История православной церкви в XIX веке. М., 1998. Репринт с издания 1901. Т. 2. С. 399.
- ⁶ Курганов Ф. Устройство управления в Церкви королевства Греческого. Казань, 1871. С. 65.
- ⁷ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000. С. 194.
- ⁸ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 3. С. 40, 41, 43.
- ⁹ Кобрин В. Иван Грозный. М., 1989. С. 147–148.
- ¹⁰ Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 438–439.

 ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@ru.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–20121 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.